

Ольга Весна

Луч надежды

Часть первая.
рухнувший мир

18+

Ольга Весна

**Луч надежды. Часть 1. Рухнувший
мир**

«Автор»

2026

Весна О.

Луч надежды. Часть 1. Рухнувший мир / О. Весна — «Автор», 2026

Природа объявила человечеству войну. Счет пошел на дни. Молния бьет в ясном небе, кислотный дождь плавит асфальт за секунды. Мир рухнул не от метеорита — планета стряхнула людей как паразитов. Из подвалов мегаполисов выходят мутанты: крысы размером с овчарку, осы с жалом, растворяющим плоть, пауки между небоскребами. Животные обезумели. Псы сбились в бронированные стаи, голуби пробивают бронестекло, медведи обросли хитином. Десять чужих людей бегут сквозь этот ад. Замглавбуха Вероника, бариста Женя и девочка Даша, видевшая смерть сестры. К ним присоединяются деспотичный олигарх Никита Сергеевич с ледяной Татьяной, рок-звезда Мирай со своим «Танком»-менеджером Василисой, модель Стелла, фитнес-тренер Георгий и Руслан, чьи навыки прокачки бесполезны против реальности. Чтобы выжить, им придется стать семьей. «Луч надежды» — первая книга трилогии о том, что после конца света выживает не сильнейший. Выживает тот, кому есть ради кого возвращаться из ночной вылазки.

© Весна О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Баланс обнулен	6
Глава 2. Выжженное сердце	11
Глава 3. Те, кому принадлежит пепел	13
Глава 4. Встреча с главарем	17
Глава 5. Иллюзия покоя	20
Глава 6. Крысиный вальс и цена воды	29
Глава 7. Искры во тьме	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Весна

Луч надежды. Часть 1. Рухнувший мир

Аннотация

Когда природа объявила человечеству войну, счет пошел на дни.

Молния бьет в ясном небе, а кислотные дожди разъедают асфальт и кожу за считанные секунды. Привычный мир рухнул не из-за войны или метеорита — планета просто стряхнула людей со своей спины, как назойливых паразитов. Из темных подвалов мегаполисов и мутных вод рек выходят твари, изменившиеся за несколько часов: огромные крысы размером с овчарку, способные проглотить человека целиком; осы с жалом-иглой, чей укус плавит плоть; и пауки, плетущие сети между небоскребами. Животные сошли с ума. Домашние псы сбиваются в бронированные стаи, голуби пробивают клювами бронестекло, а медведи выбирают из лесов, отрастив хитиновые панцири.

Вероника — зам главного бухгалтера, привыкшая сводить дебет с кредитом, но не умеющая считать патроны. Бариста Женя, чья суперсила раньше заключалась только в идеальном латте-арте. И девочка Даша, которая навсегда запомнила хруст костей своей сестры в пасти гигантской крысы. У них троих нет ничего общего, кроме одного инстинкта — бежать.

А когда к ним присоединяются Никита Сергеевич — владелец бизнес-империи, который даже в апокалипсисе требует подчинения, и с ним — его ледяная партнерша Татьяна. Следом появляются рок-звезда Мирай со своим менеджером Василисой по прозвищу Танк, безупречная модель Стелла, фитнес-тренер Георгий и разработчик игр Руслан, чьи навыки прокачки персонажей теперь бесполезны против реальных монстров.

Десять чужих людей. Один опасный и непредсказуемый новый мир. Ноль шансов.

Чтобы увидеть рассвет, им придется стать семьей. Чтобы найти безопасное место, которое они начнут называть просто «Дом», им нужно научиться доверять тому, кого вчера бы обошли стороной. Но как обрести любовь, когда ты хоронишь друзей каждое утро? Как построить новые отношения, если старая жизнь сгорела в огне катаклизмов?

Путь к спасению преграждают не только ядовитые испарения и стаи озверевших насекомых. В этом новом мире самые опасные хищники носят человеческие лица. Мародеры, для которых чужой страх — главная валюта. Последователи кровавых культов, приносящие жертвы новым богам ради прекращения бурь.

«Луч надежды» — это история о том, что после конца света выживает не сильнейший. Выживает тот, кому есть ради кого возвращаться из ночной вылазки. Смогут ли они дойти до Дома, прежде чем кислотный дождь растворит последнюю надежду, а мутировавшая фауна окончательно заберет этот мир себе?

Все рисунки сделаны с помощью нейросети «Шедеврум»

Глава 1. Баланс обнулен

Пепел оседал на руинах мегаполиса, еще полгода назад бывшего домом для миллионов. Вероника сидела прямо на остывающем бетонном крошечке, которое когда-то было фасадом торгового центра, и механически перебирала в пальцах холодный металлический брелок — единственную вещь, оставшуюся от ключей от ее квартиры. Город превратился в каменный скелет: обглоданные коррозией ребра арматуры торчали из груд щебня, а ветер уныло завывал в пустых глазницах выбитых окон небоскребов.

Еще каких-то шесть месяцев назад ее жизнь умещалась в четкий график электронных таблиц и дедлайнов. Бухгалтерский баланс крупной фирмы казался центром вселенной. Она собирала чемодан, чтобы лететь в Зеленоморск — тихий городок своего детства — на свадьбу к старшей сестре Галине. Мысль о встрече с родителями жгла изнутри сладким предвкушением; она так истосковалась по их голосам за эти годы бесконечной гонки за карьерой. Из родного Зеленоморска она сбежала сразу после школы, жадная до огней большого города. У нее получилось всё пугающе быстро: красный диплом, блестящая практика, должность помощника бухгалтера, а затем и собственное кресло в финансовом отделе. В двадцать три года мир лежал у ее ног.

Она была маминой копией — хрупкая, изящная, с копной темных волос и огромными зелеными глазами, в которых всегда плясали смешинки.



Вероника

Галина же пошла в отца: высокая, широкоплечая, с тяжелой линией подбородка и узкими, глубоко посаженными темными глазами. Красавицей ее не назвал бы никто, но для Вероники сестра была самым родным человеком на земле. Она любила Галину до дрожи, до слепого обожания. Но самолет так и не оторвался от взлетной полосы.

В тот день природа перестала быть декорацией. Ей надоело терпеть человеческую грязь, бесконечные войны и ядовитый дым заводов. Земля решила встряхнуться, сбросить паразитов со своей спины, и сделала это с такой первобытной яростью, что небо почернело в полдень. Мир рухнул не за недели — он рассыпался в пыль за двое суток. Планета сошла с ума. Землетрясения рвали асфальт, как тонкую бумагу, поднимая километровые столбы строительной пыли. Ураганы стаскивали крыши с многоэтажек, словно крышки с консервных банок. Реки меняли русла, проглатывая целые районы, а земля трескалась, выпуская наружу адское дыхание проснувшихся вулканов.

Выжили единицы. Те немногие, кого не раздавило бетоном и не сожгло магмой, теперь напоминали испуганных призраков. Но стихия была лишь половиной ада. Вторая половина бегала на четырех лапах, ползла и порхала. Эволюция, подстегнутая радиацией или паникой, сошла с катушек. Животные обезумели, выбрав человека мишенью номер один. Воробьи раз-

мером с курицу клевали лица спящих, крысы-переростки, габаритами с дога, патрулировали подвалы, щелкая желтыми резцами, а в канализации ворочалось нечто скользкое и многорукое. Даже насекомые превратились в бронированные машины смерти. Огромный черный таракан мог легко пробить стекло автомобиля своими хитиновыми надкрыльями. Погода тоже объявила войну: кислотные дожди выжигали кожу до мяса, а внезапные смерчи возникали посреди улицы из ниоткуда. Каждый рассвет был лотереей, каждый шаг — экзаменом на право дышать.

Мягкая городская девочка, привыкшая считать чужие деньги и плакать над мелодрамами, умерла под обломками офиса. Чтобы выжить, бухгалтеру Веронике пришлось сгореть дотла и возродиться Никой — женщиной-огнем, чьи руки привыкли сжимать арматуру, а инстинкты кричат об опасности раньше, чем просыпается разум. Внутри зияла черная, ледяная воронка. Родители, Галина, жених сестры, шумная тетя Зина, соседка по лестничной клетке, которая всегда одалживала соль, — все они исчезли в одну секунду, стерты из бытия без права на прощание. У Ники просто не было времени на скорбь. Горе стало непозволительной роскошью, тяжелым камнем, который утянет на дно быстрее мутантной крысы. Она заперла эту боль глубоко внутри, превратив ее в топливо для движения вперед. Если остановишься — тебя сожрут. Буквально.

Единственным теплым пятном в этом черно-сером кошмаре остался Снежок. Обычный помоечный котенок, которого она подобрала зимой прошлого года. Чудо природы — мутация обошла его стороной. Он не вырос до размеров тигра, только лишился левого глаза в какой-то давней драке, став кривым,



Женя

седым и невероятно мудрым проводником. Когда Ника улетала на свадьбу, она оставила перепуганного малыша новой соседке Жене, милой хохотушке, работавшей бариста в кофейне на первом этаже.

Женю спасло то, что она спустилась в подвал за картошкой. Там, среди мешков, ее застало землетрясение такой силы, что город сложился внутрь себя, как карточный домик. Муж Жени и ее мама остались на седьмом этаже. Теперь там было ровное поле из перекрученной стали.

Из миллиона душ этот проклятый мегаполис сохранил едва ли сотню. Кто-то озверел окончательно, сбиваясь в вооруженные стаи мародеров, рыщущих по развалинам в поисках консервов и бензина. Кто-то забился в норы, сходя с ума от одиночества. А Ника и Женя нашли друг друга. Две совершенно разные женщины, связанные общим пеплом, они стали единым организмом. Одна сильная телом, другая — гибкая и быстрая умом. Они делили каждую банку тушенки пополам, грели друг друга ночами, чтобы не замерзнуть насмерть, и научились понимать партнера без слов.

Сегодня ровно полгода. День рождения нового мира. Праздник, пахнущий гарью и сыростью. Утром они вернулись с вылазки из разграбленного супермаркета, прижимая к груди рюкза-

зак с тремя бутылками воды, пакетом гречки и чудом найденной банкой сгущенки. Их временное убежище — квартира на третьем этаже чудом устоявшей панельки — встретила их тишиной. Слишком густой, слишком плотной. Дверь была приоткрыта. Замок не взломан — его просто вырвало вместе с косяком.

Ника беззвучно показала жест «стой», перехватив кусок трубы. Женя кивнула, крепче сжав кухонный тесак. Они медленно вошли внутрь. И увидели его.

Он сидел посреди разгромленной гостиной, разрывая когтями труп огромной чайки. Это был крот. Монстр величиной с годовалого теленка. Розовая голая кожа туго обтягивала мощные лопатки, короткие, но чудовищно сильные лапы заканчивались серповидными лезвиями когтей, а вместо носа шевелилось бледное кожистое щупальце, ощупывающее воздух. Он чавкал, вытаскивая внутренности птицы, и совершенно их не замечал. Одно неверное движение, скрип половицы — и эта слепая гора мышц бросится на звук. Его передние зубы были длиной с палец.

Они отступили так же тихо, как и вошли. Спустились во двор и опустились на бетонную плиту. Женя тряслась мелкой дрожью, зажимая рот ладонью, чтобы не зарыдать. Снежок, сидевший у Ники на плече, выгнул спину и глухо, горлово шипел, глядя единственным глазом на развалины.

Пустота внутри больше не пугала. Она стала броней. Холодный рассудок бухгалтера взял верх над животным ужасом. Оставаться здесь нельзя. Солнце уже цепляется краем за искореженные линии электропередач. Через час хищники выйдут на охоту, и запах свежей крови привлечет сюда всю округу.

— Мы уходим, — голос Ники прозвучал хрипло, сорванно, но твердо. — Сейчас.

Женя подняла на нее красные, воспаленные глаза.

— Куда? Здесь везде одно и то же...

— К школе, — Ника мотнула головой в сторону видневшейся вдали вышки сотовой связи, рядом с которой должно было стоять трехэтажное здание старой кирпичной сталинской постройки. — Подвалы старых школ делали на совесть. Толстый кирпич, глубокие фундаментные блоки. Там может быть сухо. И решетки на окнах первого этажа. Переночуем. Выспимся хоть раз без страха, что нам отгрызут ноги. А завтра... завтра решим, куда идти дальше.

Она поднялась, отряхивая штаны от цементной пыли. Закинула рюкзак на плечи, поправила самодельный ремень с заточенной арматурой. Где-то вдалеке раздался протяжный, нечеловеческий вой, переходящий в скрежет металла. Нужно спешить. Право жить в этом мире нужно было отстаивать заново каждые сутки.

Глава 2. Выжженное сердце

Гравий впивался в подошвы старых кроссовок, пока Женя и Вероника неслись к школе. Точнее, к тому, что от нее осталось — черному остову с выбитыми окнами, похожему на гнилые зубы мертвеца. Они задыхались, легкие горели огнем, но останавливаться было нельзя. Ночь дышала им в спину ледяным сквозняком переулков, а вместе с ней по городу рыскали мародеры. Эти твари были страшнее радиации: у них был голод, который невозможно утолить консервами.

До спасительных стен оставались считанные метры, когда из-под искореженной пожарной машины выкатилось нечто. Огромная крыса размером с упитанную таксу замерла, поводя мокрым розовым носом. Ее свалившаяся шерсть топорщилась на загровке, а маленькие глазки-бусинки тускло блеснули в сумерках, оценивая добычу.

— Эх, жаль, тапок с собой не захватила, — выдохнула Вероника, инстинктивно пряча за спиной подругу. Она шарила взглядом по асфальту в поисках хоть какого-то камня.

Женя проследила за ее взглядом и впервые за долгие месяцы позволила себе улыбнуться. Кривой, дрожащей, пробившейся сквозь корку грязи и усталости всего на пару секунд, но настоящей. Эта секунда стоила дороже всех патронов мира.

Внезапный грохот со стороны проспекта — звон разбитого стекла и чей-то отчаянный крик — заставил тварь дернуть ушами. Крыса потеряла интерес к девушкам, глухо фыркнула и шмыгнула обратно под машину. Этого мгновения хватило, чтобы они сорвались с места.

Тяжелая дверь подсобки поддалась с третьего удара плечом. Женя толкнула Веронику внутрь, юркнула следом и рухнула спиной на створку, тяжело дыша. Запах сырости, старой штукатурки и застоявшейся пыли ударил в нос, показавшись сейчас слаще любых духов. Здесь, в бетонной коробке, хотя бы ненадолго можно было выдохнуть.

Свет фонариков выхватил из темноты горы поломанных парт. Девушки сползли по стене прямо на пол. Руки дрожали мелкой противной дрожью. Женя достала из рюкзака помятую банку тушенки, вскрыла ее ножом. Металлический лязг прозвучал оглушительно громко. Они ели молча, передавая холодную жестянку друг другу и жадно запивая водой из одной бутылки.

— Что будем делать дальше? — голос Жени звучал хрипло. Она смотрела не на Веронику, а на свои ободранные ладони.

— Не знаю. Завтра увидим, — Вероника стащила с плеча тяжелый рюкзак. Голова кружилась от внезапного облегчения. — А теперь давай спать.

Они улеглись прямо на холодный бетон, укутываясь старыми шерстяными пледами, которые пахли чужим домом, нафталином и безысходностью. Кот Снежок, тощий белый комочек костей, тут же свернулся колечком на груди у Ники, согревая лучше любого одеяла. Уснули обе практически мгновенно, провалившись в вязкую темноту, потому что смертельно устали.

Утро началось не со света. Ника проснулась от тяжелого, липкого взгляда, физически ощутимого кожей. Воздух стал густым и неподвижным. Никого. Подсобка была пуста, если не считать посапывающую рядом Женю. Но ощущение постороннего присутствия царапало затылок, словно невидимые иголки.

Тихий-тихий скрип. Не половицы — звук шел откуда-то снизу, из-за стопки перевернутых шкафов. Кто-то всхлипнул почти беззвучно.

Ника бесшумно поднялась, стараясь даже дышать через раз. Обошла мебель и замерла. На ящике сидела девочка. Худая до синевы, с грязными разводами на щеках и огромными, взрослыми глазами. Одной рукой она прижимала к себе Снежка, зарываясь лицом в его сваливающую шерсть, а другой механически гладила. Кот отвечал ей громким, вибрирующим мурлыканьем, которое в этой звенящей тишине казалось ревом мотора.

— Ты что здесь делаешь? — шепот Ники сорвался.

Девочка вздрогнула, крепче прижав кота, но не выпустила.

— Прячусь. Разве не видно?

— А где твои родители? Семья?

— А у меня никого нет, — ответила она буднично, как о погоде. Слово «никого» повисло в воздухе тяжелым камнем.

— Как это никого? — нахмурилась Ника, присаживаясь на корточки. — Ты хочешь сказать, что выживала все это время одна? Я тебе не поверю. Ни за что.

— Я была не одна. Со старшей сестрой, — глаза девочки предательски заблестели, но слезы так и не пролились. — Но вчера... на нас напала огромная крыса. Теперь я осталась совсем одна. Моя сестра... она закрыла меня собой, оттолкнула, но сама спастись не смогла.

Ее плечи мелко затряслись. Снежок недовольно мяукнул, когда гладившая его рука дрогнула.

В этот момент зашевелилась Женя. Приподнялась на локте, сонно моргая, прислушалась к разговору.

— Значит, в наших рядах прибавление, — констатировала она сиплым со сна голосом. Это была не шутка, просто констатация факта.

Вероника открыла рот, чтобы возразить. Слова уже крутились на языке, острые и рациональные: «Мы сами еле тянем. Еда на исходе. Каждый лишний рот — это верная смерть для всех. Она будет обузой». Но фраза застряла в горле сухим комом. Напуганные, совершенно взрослые глаза ребенка смотрели прямо на нее, и вся эта логика рассыпалась в прах перед таким простым, первобытным чувством одиночества. Они ведь и сами не знают, будут ли живы через несколько дней. Закончатся консервы или их найдут те, кто похуже крыс. И вот еще одна душа, маленькая, хрупкая, которой самой нужна защита. Бросить ее здесь одну, отдать темноте и этим огромным серым теньям? После того, что сделала ее сестра?

Это было самое нелогичное решение в их жизни. Самое опасное.

Но другого выхода не было.

— Собирайся, — бросила Ника, пряча внезапно перехватившую горло спазмом нежность за привычной грубоватостью. — Пойдем искать новый дом. Такой, куда крысы точно не пролезут.

И они отправились дальше. Странная, невозможная компания: две потерянные женщины, маленький белый кот и семилетняя девочка с выжженным сердцем, крепко сжимающая руку Вероники своей ледяной ладонью. Шаг за шагом прочь от руин школы, туда, где, может быть, еще существует слово «дом».

Глава 3. Те, кому принадлежит пепел

Четверо суток они почти не спали. Ника, Женя, Снежок и их новая подопечная — молчаливая девчонка, чье имя они узнали лишь чудом за день до этого. Даша.



Даша

Она брела позади, механически переставляя ноги, но в ее глазах больше не было той пустоты первого дня — только глухая, звериная усталость. Четверо суток они петляли по разбитым проселкам, пытаясь найти хоть какое-то укрытие от надвигающейся беды.

Запасы кончились три дня назад. Надежда истончалась прямо сейчас.

Они чудом разминулись с мародерами. Не наткнулись — именно разминулись, когда ржавый капот старого «Урала» стал для них единственным щитом. За ним, судорожно вцепившись друг в друга, Вероника с Женей слушали, как совсем рядом хрустит гравий под тяжелыми ботинками. Искали еду, одежду, топливо — им, прячущимся, было уже все равно, что именно заберут эти люди, лишь бы саму жизнь оставили при себе.

Женя зажала рот ладонью, давя рвущийся наружу кашель, пока буквально в метре от их ненадежного укрытия скрипнула кожаная куртка.

— Тише, — одними губами выдохнула Ника, чувствуя, как ледяные пальцы подруги впи-
ваются ей в предплечье до синяков.

Голоса звучали властно, без тени страха перед этим мертвым миром. Главаря невозможно
было не заметить даже боковым зрением: высоченный, широкоплечий, темноволосый, с тяже-
лым взглядом человека, привыкшего брать свое силой.



Видный мужчина, если бы только не то, чем он и его свора занимались. От одного взгляда
на него вдоль позвоночника бежал липкий холодок. Вероника с Женей боялись даже предста-
вить, что стало бы с ними — двумя истощенными девушками — попади они к нему в руки. Об
этом нельзя было думать. Они вовремя успели спрятаться. Хорошо, что этот помятый грузовик

Владимир

стоял именно здесь, носом в кусты, выплевывая из-под днища
едкую ржавую воду. Эта мысль билась в такт их загнанным сердцам.

Пока они сидели ни живы ни мертвы, прижимаясь к остывающему металлу, группа
пополнилась. С треском подломившихся веток подошли еще несколько шкафоподобных амба-
лов и две женщины. Эти вели себя так, словно выжженная земля вокруг принадлежала им по
праву рождения — громко смеялись, переругивались, пинали попадающийся под ноги мусор.
Одна, высокая и хищная, совершенно точно была равнодушна к лидеру. Из их обрывочного
разговора девушки поняли — вожака звали Владимир. Девушка чуть ли не висла у него на шее,
заглядывая в глаза снизу вверх. Ему, казалось, было плевать, он смотрел куда-то сквозь нее,
лениво потирая шрам на скуле. Но затем, решив потешить раздутое эго, он криво ухмыльнулся
и бросил, что после рейда составит ей компанию. Прогуляются вдвоем.

Этого оказалось достаточно. Эту, судя по именам, которыми они перекрикивались, звали Виолеттой. Услышав про прогулку, она решила, что ей кровь из носа нужно принарядиться. Хотя внешне Виолетта была вполне смазливой — среднего роста, рыжая, с огромными, лихо-радочно блестящими глазами и неплохой фигурой, которую не испортил даже грязный бушлат, — ее лексикон и манера держаться вызывали смесь жалости и глухого раздражения.

— Валька! — взвизгнула она, хватая подругу за рукав. — У этих лошков наверняка есть нычка со шмотьем. Найди мне что-нибудь приличное, я эту фифу уделаю! Мне нужны каблуки!

И они, хихикая, скрылись за углом заброшенной заправки, оставив после себя запах дешевого цветочного дезодоранта, пробившийся даже сквозь вонь гнили.

Когда тяжелые шаги наконец стихли, а голоса растворились в осенней мороси, четверка смогла выдохнуть. Только теперь они почувствовали, как затекли мышцы. Близился вечер. Желудки сводило от голода, веки наливались свинцом, каждый шаг отдавался тупой болью в коленях. Нужно было двигаться, искать ночлег.

И тут небо рухнуло.

Солнце исчезло мгновенно, будто кто-то выключил свет. Воздух загустел, тяжело ударил в лицо запахом озона и мокрой пыли. Поднялся ветер — резкий, воющий, швыряющий в лицо колючую крупу. Вдалеке рокотнуло так, что завибрировала земля. Начинался не просто дождь — надвигалась настоящая буря, смертельно опасная на открытом пространстве. Им срочно нужно было укрытие. Кров. Стены.

И вот, когда легкие уже готовы были взорваться от бега, впереди замаячил силуэт. Небольшой домик, прилепившийся к склону холма. Деревянный, одноэтажный, с покосившейся трубой. Спасение. Они рванули к нему из последних сил, оскальзываясь на мокрой траве.

— Почти... добрались... — прохрипела Ника, толкая плечом незапертую, разбухшую от влаги дверь.

Внезапно мир ослепила мертвенно-белая вспышка. Грохот оглушил, прошел сквозь черепную коробку вибрирующим басом. Прямо перед ними, расщепив старый пенёк в щепки, в землю вонзилось копьё молнии.

Взрывной волной Дашу и Женю подбросило в воздух и швырнуло спиной в грязь.

Время растянулось в тягучий кисель. Падая, Ника успела увидеть жуткую картину: Женя кубарем откатилась в сторону и теперь медленно, опираясь на дрожащие руки, пыталась встать. Жива. А вот Даша лежала без движения. Ее худенькое тело выгнулось дугой в последней судороге и обмякло, дымившиеся волосы едва заметно потрескивали. Без сознания. Но грудь, слава богу, едва заметно поднималась. Жива.

Адреналин смел усталость.

— Хватай! — сорванным голосом крикнула Ника.

Они действовали на чистом инстинкте, захлебываясь паникой. Женя подхватила девочку за плечи, Ника — за ноги. Ткань штанов скользила в окровавленных пальцах. Впереди, взрывая лапами сырую землю и отчаянно подвывая, уже неся к дому Снежок, забыв о своей обычной осторожности. Они волокли бесчувственное тело, считая каждый метр последним.

Ввалились внутрь, чудом вписавшись в узкий дверной проем, и рухнули на прогнивший деревянный пол. Успели. Захлопнули дверь прямо перед носом стихии. Буквально через пару секунд снаружи снова сверкнуло — молния ударила ровно в то самое место, где секунду назад лежала Даша, превратив остатки пня в горстку пепла. Дом содрогнулся от удара грома, с потолка посыпалась труха.

Тяжело дыша, они смотрели на бледное, бескровное лицо девочки.

Первым делом Женя стащила с себя рюкзак, достала аптечку и, оттянув веко, посветила Даше дешевым диодным фонариком в глаз. Зрачок сузился. Реакция есть. Просто шок и контузия.

Ника тем временем нашла в углу относительно чистый кусок брезента, кое-как протерла его рукавом и укрыла дрожащую Дашу. Развела огонь в старой буржуйке — труба тянула плохо, комнату сразу начало затягивать сизым дымом, но живительное тепло постепенно возвращало чувствительность заочевенным пальцам.

На скорую руку вскрыв ножом несколько ледяных банок тушенки, найденных накануне в разграбленном сельпо, они жадно ели прямо руками, пачкаясь в жиру. Рядом стояла трехлитровая банка соленых огурцов — мутный рассол казался сейчас вкуснее любого деликатеса. Огурцы хрустели на зубах, возвращая ощущение реальности.

Дождь снаружи превратился в сплошную стену воды, барабания по крыше с такой силой, что приходилось кричать. Буря отрезала их от внешнего мира.

Теперь оставалось только сидеть в тесной, пахнувшей плесенью и мокрой шерстью комнате, смотреть на мерно поднимающуюся грудь Даши и надеяться, что худшее позади. Они решили дежурить по очереди, не смыкая воспаленных глаз, положив ладони на рукояти ножей. До утра было еще бесконечно далеко.

Глава 4. Встреча с главарем

Тяжелая тишина давила на плечи уже вторые сутки. Женя и Ника дежурили у постели Даши по очереди, но та всё так же не приходила в сознание. Время словно загустело, превратившись в липкую патоку отчаяния. Подруги были вымотаны до предела: их лица осунулись, под глазами залегли густые тени, а руки мелко дрожали от недосыпа и страха. Они просто сидели рядом, подавленные собственным бессилием, и не знали, что делать дальше.

Снежок тоже чувствовал повисшее в воздухе напряжение. Он больше не прыгал на колени — лишь уныло жался где-то в углу старого дивана, изредка выдавая глухое, вибрирующее мурлыканье, похожее на стон.

— Ладно... Надо бы сходить за продуктами, — голос Ники прозвучал хрипло, надломленно. Она подняла пустую жестянку из-под консервов. — Запасы кончаются.

Женя только обреченно мотнула головой. Сил говорить не было.

Ника накинула потертую куртку и вышла на улицу. Холодный осенний ветер тут же швырнул ей в лицо горсть колючих капель. Единственным её желанием было услышать тихий вздох проснувшейся Даши и знать, что им больше никогда не придется проходить через этот ледяной ужас беспомощности. «Откуда вообще взялась эта молния? Словно сам мир сошел с ума. Еще долго природа будет испытывать нас на прочность», — горько вертелось у нее в голове.

Она брела к заброшенному супермаркету, механически переставляя ноги по раскисшей грязи, пока сзади не раздался резкий окрик. Голос был настойчивым, властным. «Вот же принесла нелегкая», — холодея, пронеслось в мыслях. К сожалению, этот бархатный, отдающий металлом бас она узнала сразу. Его нельзя было спутать ни с кем. Владимир. Главарь мародеров.

Сердце пропустило удар, провалившись куда-то в желудок. Первой мыслью было броситься бежать, петлять между разрушенными гаражами, но взгляд зацепился за две массивные фигуры, выросшие словно из-под земли прямо перед ней. Путь вперед был отрезан.

— Я к тебе обращаюсь, — пророкотал он, остановившись в паре шагов.

Ника медленно повернулась. На неё смотрели тяжелые, темные глаза цвета мокрого асфальта. Но стоило ей встретиться с ним взглядом, как выражение его лица изменилось: жесткий прищур сменился хищной, наглой ухмылкой. Он прошелся по ней взглядом сверху вниз — откровенно, грязно, оценивающе. От этого физически тяжелого взгляда кожа покрылась мурашками, стало вдруг невыносимо душно, словно с неё сорвали одежду. Он даже причмокнул языком и, подойдя вплотную, обдав её запахом перегара и дешевого табака, бросил своим людям: — Кажется, я нашел себе новую подружку. Берите.

Такой вопиющей, животной дерзости Ника не ожидала. Внутри вспыхнула слепящая ярость, перебившая страх. — А меня спросить вы не забыли?! — само собой вырвалось у неё. Горло перехватило.

— Да что тебя спрашивать, — он скривил губы в презрительной усмешке. — Таким, как я, не отказывают. Ты даже не представляешь, какая тебе оказана честь. Будешь жить в шоколаде, спать на шелках. Так что будь благодарна.

Он брезгливо махнул рукой, отворачиваясь: — Отведите принцессу в её новый дом. И пальцем её тронуть не смейте. Она моя.

Развернувшись, он растворился в мороси, оставив после себя лишь тошнотворный шлейф своего парфюма. Эти двое амбалов молча взяли Нику под локти. Их хватка была жесткой, стальной, лишаящей воли. Её сопроводили в старый, но огромный особняк на окраине города. Проведя мимо заплеванных коридоров в одну из самых больших комнат на втором этаже, они закрыли за ней тяжелую дубовую дверь. Щелкнул замок.

Виолетта в это время как раз докрашивала губы ядовито-алой помадой. Сегодня ночью у них с Владимиром была близость, и она искренне верила, что теперь официально стала королевой этой стаи. Она собиралась идти к нему, чтобы закрепить свой статус, когда услышала шаги в коридоре. Петя и Захар привели какую-то девицу и втолкнули её не куда-нибудь, а прямо в спальню командира.

— Кого это вы притащили? — не удержалась Виолетта, преграждая им путь, когда дверь за незнакомкой захлопнулась.

— Приказ командира, — буркнул Петя, пряча глаза. — Сказал, теперь эта девушка его новая подруга.

— Что?! — еле выдавила из себя Виолетта. Мир поплыл перед глазами.

Ребята решили благоразумно исчезнуть, не вступая в разборки начальства. Хотя чисто по-человечески Виолетту им было даже немного жаль — такая молодая, а уже попала в пасть зверю.

«Я этого так не оставлю! Чтобы какая-то пигалица забрала моего Володю?» — кипит от ревности, думала она. Как только парни ушли обедать, Виолетта, используя обычную шпильку, вскрыла замок спальни.

Ника в это время лихорадочно искала способ сбежать. Комната была заперта намертво, окна находились слишком высоко. Когда дверь тихо, почти беззвучно отворилась, Ника инстинктивно схватила первое, что попало под руку — тяжелую хрустальную вазу с давно засохшим цветком. Пусть только сунется. Она опустит эту вазу ему на голову раньше, чем он успеет дотронуться до неё. Стать игрушкой в чьих-то руках она не даст.

Но на пороге стояла не сгорбленная тень Владимира, а разгневанная красотка с идеальным макияжем.

— Кто ты такая и что здесь делаешь? — прошипела Виолетта.

От неожиданности пальцы Ники разжались, и ваза с глухим стуком упала обратно на столик.

— Я... я просто шла домой с продуктами, — затараторила Ника, боясь, что сейчас сюда вернется главарь. — Ваш командир с ребятами... они притащили меня сюда силой. Я не хотела! Пожалуйста, помоги мне выбраться. Меня ждет семья.

Виолетта на секунду опешила от такой искренней паники, но затем высокомерно фыркнула: — Ты серьезно не хочешь здесь быть? Это же огромная честь — внимание такого мужчины, как Владимир.

— Мне плевать на вашу честь! — выдохнула Ника, глядя на нее умоляюще. — Я хочу домой.

Красная помада Виолетты искривилась в злорадной гримасе. Ревность боролась в ней с внезапным пониманием безнадёжности собственного положения. — Хорошо, — наконец процедила она. — Я выведу тебя через черный ход. Но поклянись, что как только окажешься за забором, ты и твоя семья немедленно покинете этот город. Потому что иначе Владимир перевернет каждый камень, перероет каждую нору, но найдет вас. Живыми или мертвыми.

— Хорошо! — без колебаний согласилась Вероника. — Мы уедем сегодня же!

Пока ребята не вернулись с обеда, они вместе быстро выскользнули через служебную кухню, пропахшую прогорклым маслом. Виолетта провела ее через заросший сад к пролому в бетонном заборе.

— Беги и не оглядывайся, — бросила она напоследок.

И Ника побежала.

Когда она, задыхаясь, влетела в их укрытие — сырой домик, — уже сгустились сумерки. Радость затопила ее изнутри теплой волной: Женя встретила ее в коридоре и одними губами показала: «Даша очнулась».

Но времени на слезы не было. — Собирайте вещи, — тяжело дыша, приказала Ника подругам. — Быстро. Все самое необходимое. Больше мы в этом городе не останемся ни минуты.

Им пришлось спешно скидывать документы, остатки лекарств и воду в рюкзаки. По дороге, пока они петляли дворами, стараясь не выходить на главные улицы, Ника сквозь одышку рассказала девочкам всё.

А Владимир, вернувшись в пустой дом и не найдя девушку в комнате, пришел в такую холодную ярость, от которой стыла кровь даже у его приближенных. Он отдал короткий, лающий приказ: найти. Перевернуть весь район вверх дном, выломать двери, если нужно, но вернуть девчонку живой. С теми, кто должен был ее стеречь, он пообещал поговорить позже. Лично. А пока пусть тоже займутся поисками — бегать от него бесполезно.

Виолетта в это время решила затаиться в своей комнате. Если чужачка сдержит слово и действительно исчезнет навсегда, разъяренный Владимир рано или поздно остынет. И тогда искать утешения он придет именно к ней, единственной, кто остался рядом. Тогда он точно будет принадлежать только ей. А пока нужно переждать бурю.

Глава 5. Иллюзия покоя

Шесть дней изгнания стерли из памяти всё, кроме холода в костях и постоянного сосущего чувства под ложечкой. Их родной город остался за спиной — не просто точка на карте, а выжженная рана.

Что их там держало? Если смотреть трезво, сквозь пелену усталости — ничего. Родные давно стали лишь фотографиями в треснувших рамках воспоминаний. Друзья растворились в первые недели хаоса, коллеги исчезли вместе с офисами. Вокруг были только руины: скелеты панельных домов да остовы машин, похожие на дохлых насекомых. Но для Ники этот мертвый бетон был связан со студенческой юностью, первой влюбленностью и дешевым кофе у автомата. А Женя... Женя родилась среди этих улиц. Она знала каждую выщербину на асфальте. Там, где сейчас зияла радиоактивная воронка от рухнувшего самолета, раньше шумела школа, звенящая детскими голосами. На месте заваленного строительного рынка стоял торговый центр, пахнувший корицей и новой одеждой. Они потеряли дом физически еще полгода назад, когда природа решила наконец показать, кто здесь главный, но теперь кто-то окончательно украл у них право даже скорбеть о нем.

Вход закрыла кучка мародеров. Банда, решившая, что мертвая земля принадлежит им по праву сильного. И их главарь, которому приглянулась Вероника. Ника до сих пор чувствовала на себе его липкий, раздевающий взгляд, помнила запах перегара и дешевого табака. Четыре человека против десятка вооруженных зверей. Две женщины, одна девочка и слепой на один глаз кот Снежок, который каким-то чудом пережил конец света, потеряв зрение, но сохранив поразительное чутье на опасность. Сопротивляться было бы чистым самоубийством. Оставалось только бежать.

Они бежали так, словно пытались обогнать собственную смерть. Сон превратился в короткие провалы забытья вповалку прямо на холодной земле, подстелив тонкие спальники. Еда таяла быстрее, чем надежда. Сухари крошились в пыль, вода отдавала привкусом пластика и страха. Пейзаж вокруг сливался в серое, дрожащее от зноя полотно.

Женя шла впереди, механически переставляя ноги. Даша замыкала процессию, то и дело оглядываясь, её плечи мелко тряслись от нервного напряжения. Ника несла самое тяжелое — остатки воды и кота. Снежок, обычно своенравный и тяжелый, сейчас висел на рюкзаке тряпочкой, экономя силы.

— Мы не дойдем, — просипела Даша на третий день, сплевывая вязкую слюну. — У меня кровь носом идет. — Дойдем, — отрезала Ника, хотя язык распух во рту и отказывался шевелиться.

Ближайший населенный пункт — то, что осталось от города Малый Череповец — маячил в неделе пути пешком. Что их ждало там? Спасение или могила? А вдруг мародеры уже перебрались и туда? Или природа, сорвавшая цепи эволюции, приготовила новые сюрпризы? Не хотелось наткнуться на стаю голодных крыс размером с немецкую овчарку, которые охотятся стайей, как волки. Или задохнуться от роя пчел-переростков, чьи жала пробивают куртку насквозь. Каждый шорох в сухой траве заставлял сердце пропускать удар.

Погода, казалось, тоже устала от апокалипсиса. Небо затянуло плотной, равнодушной облачной пеленой. Ни испепеляющего солнца, ни кислотных ливней, рвущих кожу в клочья. Просто серый купол, давящий на макушку. Им повезло. Чудовищно, несправедливо повезло пройти эту неделю без единой стычки.

Когда на горизонте показались черные зубцы Малого Череповца, никто не закричал от радости. Сил хватило лишь на то, чтобы ускорить шаг, превратившийся в заплетающуюся трусцу. Город принял их равнодушно. Развалины здесь были масштабнее, монументальнее — памятники погибшей цивилизации впечатляли своим кладбищенским величием.

Им улыбнулась вторая удача. На окраине, чудом избежав обрушения перекрытий, стоял кирпичный домик частного сектора. Стекла выбиты, дверь висит на одной петле, но крыша цела. Настоящая крепость после недель под открытым небом. Они сбросили рюкзаки на пол, впервые за долгое время ощутив себя в относительной безопасности.

Вылазка за припасами заняла остаток дня. Супермаркет встретил их разбитыми витринами и запахом гниения, но консервы в жестяных банках оказались нетронутыми временем. Они набивали рюкзаки, руки дрожали от жадности при виде бутылок с чистой питьевой водой. Возвращались почти счастливые. Впервые за несколько месяцев они позволили себе расслабиться.

— Я съем эти бобы холодными и буду считать это блюдом от шефа Мишлена, — хрипло рассмеялась Женя, пытаясь разрядить обстановку. — Главное, чтобы Снежок не потребовал свою долю омарами, — поддержала Даша, погладив кота между ушей. Ника слабо улыбнулась. Смех звучал чужеродно в этой мертвой тишине, он казался святотатством. Но напряжение начало отпускать мышцы спины. Они болтали, перешучивались, представляя, как вскроют банку тушенки прямо сейчас, забыв про осторожность. Это была иллюзия мира. Опасная, пьянящая иллюзия.

Снежок напрягся первым. Он резко дернул головой, прижатые уши плотно вжались в череп. Шерсть на загривке встала дыбом, и кот беззвучно зашипел, оскалив редкие зубы. — Замрите, — одними губами приказала Ника. Она вклинилась между Женей и Дашей, оттолкнув их за спину, выставив вперед пустые ладони. Тело сработало быстрее разума, принимая защитную стойку. — Тише, девочки...

И тут лязгнуло. Звук был резким, металлическим, совершенно неуместным в симфонии ветра и разрухи. Словно гигант разорвал пополам стальной лист. Участок потрескавшегося асфальта метрах в десяти от них дрогнул, пошел трещинами и начал медленно подниматься вверх, обнажая темные металлические ступени. Открылся люк. Из черного зева подземелья пахнуло сыростью, плесенью и гарью.

Из темноты один за другим начали вылезать люди. Семеро. Четверо мужчин, три женщины. Отряд, выглядевший настолько дико и театрально посреди всеобщего распада, что мозг Ники на секунду отказался принимать реальность.

Первым выбрался высокий блондин. Его идеально скроенный костюм-тройка выглядел издевательством: дорогая ткань была перепачкана глиной, но галстук сидел ровно.



Никита Сергеевич

Следом поднялся мужчина в черном кожаном плаще до пят; длинные сальные волосы скрывали лицо, но на шее, уходя под воротник, белела вытатуированная ухмылка черепа.



Мирай

Третий поправил очки в тонкой оправе — одетый «со вкусом», аккуратный, похожий на выжившего бухгалтера.



Руслан

Четвертый оказался гигантом с копной непослушных кудрей,
занимавшим собой половину прохода.



Георгий

Женщины дополняли этот театр абсурда. Одна — в платье-комбинации и туфлях на каблучке, вся экстравагантная, будто сбежала с фото сессии для обложки журнала перед самым концом света.



Стелла

Вторая — гора мышц, татуировок и черной кожи, косуха скрипела при каждом движении.



Василиса

Третья, в бесформенном кардигане и очках на цепочке, напоминала строгую школьную учительницу литературы, случайно попавшую на съемки постапокалиптического боевика.



Татьяна

Семь пар глаз синхронно повернулись в сторону подруг. Заметив добычу — сытых людей с полными рюкзаками, — они двинулись вперед. Шли уверенно, растягиваясь полуколыцом. Никакой суеты, никакого удивления.

Кровь ударила Нике в голову, смывая усталость последних месяцев. Страх никуда не делся, он просто трансформировался в ледяную, звенящую ярость. Пусть только попробуют напасть. Она всадит открытую консервную банку прямо в горло тому, в костюме. Выцарапает глаза любителю кожаных плащей. Она больше не жертва, которая просит милостыню у судьбы. За её спиной стояли Женя и Даша, и позади лежал долгий путь.

А вот подруги, похоже, адреналиновый шок приняли за солнечный удар. — Ого! — звонко выдохнула Женя, делая шаг навстречу. — Целая коммуна! Ребята, привет! Консервы будете? У нас много! Даша неловко махнула рукой, робко улыбаясь: — Вы из этого... бункера? Как там внизу? Свет есть?

У Ники внутри всё оборвалось. Дура. Какая же ты дура. Она крепче сжала кулаки, готовясь броситься на амбразуру, пока эти двое идиотов своими светскими беседами не подпустили их вплотную.

Глава 6. Крысиный вальс и цена воды

Высокий блондин в идеально сидящем, хоть и припорошенном бетонной пылью костюме-тройке и парень в тяжелом кожаном плаще с заклепками подошли вплотную к Жене и Даше. От них пахло озоном, дорогим парфюмом и застарелым страхом.

— Меня зовут Никита Сергеевич, — голос блондина звучал так ровно, словно он стоял не посреди руин цивилизации, а на совете директоров. — Я известный бизнесмен. Прилетел в этот город по делам слияния корпораций, а тут мир решил обанкротиться без моего ведома. Благо меня эвакуировали одним из первых, предоставив VIP-убежище.

Мужчина в плаще нервно усмехнулся, поправляя ляжку тяжелой гитары за спиной: — А я Мирай. Известный рок-музыкант. Может, когда-нибудь слышали? Мои стадионы собирали десятки тысяч... — К сожалению, я не слушаю рок, — честно призналась Женя, машинально одергивая рукава своего свитера. Она выглядела так, будто только что вышла из уютной студии йоги, а не из ада. — Я больше люблю классическую музыку. Дебюсси, Шопен... И мантры для медитации. Они помогают держать нервную систему в узде, иначе здесь просто сойдешь с ума от тишины.

Мирай перевел отчаянный взгляд на Нику. Та стояла как натянутая струна, сканируя крыши полуразрушенных зданий. Ее пальцы побелели, сжимая рукоять заточенной арматуры. — Нет, — отрезала она. — Не слышали. Мне, если честно, было как-то не до музыки последние несколько лет. — Жаль, — тихо ответил Мирай, и его напускная бравада дала трещину. В этом слове прозвучало искреннее, почти детское разочарование.

— То есть всё это время вы были там, внизу, и даже не знаете, что происходило на поверхности? — Мирай кивнул на вентиляционную шахту их бывшего дома. — Именно так, — подтвердил Никита Сергеевич. Его идеальная осанка впервые дрогнула. Он вдруг показался просто очень уставшим человеком, которому страшно хочется спать.

Словно дожидаясь этой реплики, из-за угла торгового центра выплыла остальная часть процессии. Женщина, похожая на строгую учительницу литературы, оказалась деловым партнером Никиты — ее звали Татьяна. Она куталась в кашемировое пальто, но держала спину прямо, игнорируя пепел, оседающий на плечах. Женщина в косухе, увешанной шипами, была менеджером рок-звезды. Звали ее грозно — Василиса, но она предпочитала прозвище Танк, и оно ей чертовски шло: широкая стойка, тяжелый взгляд, готовность снести любую преграду. Рядом с ними жались остальные выжившие этого элитного ковчега: мужчина в дорогих очках (Руслан, гейм-дизайнер, создававший виртуальные войны, пока настоящая пришла в его дом), женщина в шелковой комбинации и лабутенах (Стелла, модель, которую эвакуировали прямо со съемок рекламы духов) и парень-гора с копной непослушных кудрей (Георгий, фитнес-тренер, чьи мышцы сейчас казались единственной реальной валютой).

— Добро пожаловать обратно в пищевую цепочку, — с нескрываемым скептицизмом бросила Ника. — Вам еще предстоит познать этот мир заново. Уверяю, вам не понравится учебник.

И тут асфальт позади них взорвался треском ломаемого бордюра. Из-за перевернутого автобуса метнулась тень размером с немецкую овчарку. Огромная крыса-переросток. Редкая, свалившаяся шерсть висела клочьями, обнажая гнойные язвы, пасть сочилась желтой слюной, а глаза-бусинки горели голодом абсолютного хищника.

— Бежим! — это был не крик, а рваный выдох. Женя первой сорвалась с места, увлекая за собой оцепеневшую Дашу.

Мир сузился до пыльных легких и боли в боку. Вся эта странная компания неслась сломя голову. Стелла визжала так пронзительно, что звук резонировал в выбитых окнах. Шпильки проваливались в трещины асфальта, ломая каблук за каблуком. На третьем шаге она бы рух-

нула лицом в битый кирпич, но Георгий, ни слова не говоря, подхватил ее одной рукой поперек талии, как мешок с картошкой. Модель лишь тонко вскрикнула, болтая ногами в воздухе, пока тренер огромными прыжками уносил их прочь.

Хорошо, что недалеко оказался полуразрушенный торговый центр. Они ввалились внутрь стеклянными цунами, забаррикадировав хлипкую алюминиевую дверь выставочными манекенами без голов. Когда тяжелое, запыхавшееся дыхание немного улеглось, Стелла сползла по стене на корточки. Шелк ее комбинации теперь казался издевательством. Она закрыла лицо руками, и плечи затряслись в беззвучных, горьких рыданиях — истерика сытого человека, увидевшего смерть вблизи.

— Что здесь происходит? — гаркнула Танк-Василиса, щелкая предохранителем пистолета. Голос должен был звучать властно, но предательски дрожал на последнем слоге. А вот Мираю и Татьяне, похоже, было весело. Или это была коллективная химическая реакция психики на невыносимый ужас. Бизнес-леди мелко икала, зажимая рот ладонью, а рокер запрокинул голову и расхохотался — громко, надтреснуто, абсолютно безумно. Эхо его смеха жутко заматалось между пустыми витринами с прошлогодними коллекциями.

— Вот и состоялось ваше первое знакомство с новым миром, — «поздравила» Ника, тяжело привалившись к оплавленной колонне. Ее грудь ходила ходуном. — Поздравляю. Теперь вы знаете, что на поверхности небезопасно. Огромные насекомые. Животные. Очень агрессивные. Погода: кислотные дожди, которые проедают кожу до костей, грозы, молнии, бьющие в одну точку сутками. Еще много всякого такого. Думаю, вам лучше вернуться в свой бункер.

— Мы не можем, — глухо отозвался Никита Сергеевич, пытаясь стереть сажу с лацкана платком, который еще утром стоил целое состояние. — Там что-то сломалось в системе фильтрации воздуха. Починить некому — инженеры остались снаружи. Поэтому мы и выбрались. Нам нужно в другой сектор, западный хаб.

— Удачи вам в этом, — Ника дернула подбородком в сторону девочек. — Пойдемте, нечего дышать здешней взвесью. Она уже хотела уйти, привычно взяв Дашу и Женю под руки, но те замерли.

— Мы что... бросим их вот так? — прошептала Женя, глядя то на плачущую Стеллу, то на свои тонкие пальцы. В ее глазах плескалась такая чистая, непримиримая эмпатия, что Нике стало физически больно.

— Действительно, — сквозь остаточный смех просипел Мирай. Выглядел он жалко: размазанная тушь, посеревшее лицо аристократа. — Вы что, вот так нас бросите?

— Нам нужны те, кто знает дорогу, — вступил Никита Сергеевич. Он достал из внутреннего кармана портмоне, заглянул в него, горько усмехнулся своим золоченым картам и убрал обратно. — Мы хорошо заплатим.

— Деньги уже не являются в новом мире ничем, кроме макулатуры, — фыркнул Руслан-геймдизайнер, протирая очки краем футболки.

— Вы не поняли, — терпеливо, как неразумным детям, объяснил бизнесмен. — Мы заплатим едой и водой. Чистой питьевой водой. Консервированным протеином. Думаете, вашим девочкам хватит энтузиазма надолго на сухом пайке?

Женя сглотнула. Даша крепче сжала руку Ники. Обе смотрели на нее снизу вверх — огромные, молящие, собачьи глаза. Надежда людей, привыкших отдавать приказы, столкнулась с выжженным цинизмом той, кто привык терять.

«Нет», — хотела сказать Ника. Хотела развернуться и уйти в серую мглу, сохранив свою крошечную группу независимой. Но воздух вокруг внезапно загустел от запаха дешевого дезодоранта Георгия, слез Стеллы и отчаяния этих холеных кукол. Она посмотрела на своих девочек. Если она скажет «нет», они пойдут сами. Ради Евгении, которая не могла пройти мимо чужой беды, Ника сделала единственное, что могла сделать ради их безопасности.

— Хорошо, — выдавила она, скрипя душой над каждым словом. — Ведущий — замы-
кающий. Идти строго за мной. Один звук — один лишний глоток воды из вашего общака.
Понятно?

Никита Сергеевич медленно, с видимым усилием согнул шею в подобии поклона. Впер-
вые за день костюм сел на нем криво. Такой странной, невозможной компанией они отпра-
вились в очередной путь. Впереди, раздвигая плечами мусор, шла гранитная Ника. За ней,
стараясь попадать след в след, семенили спасенные сливки общества. А путь им предстоял
неблизкий — через весь мертвый город, где каждый перекресток мог стать братской могилой.

Глава 7. Искры во тьме

Такой разношёрстной, но на удивление слаженной компанией они шли уже третьи сутки. Дорога выматывала до звона в ушах. Делая лишь крошечные привалы — перевести дух, сделать пару глотков затхлой воды из фляг и снова поднимать воротники курток против пепельного ветра, — они практически не общались между собой.

Точнее, вся команда давно распалась на невидимые островки отчуждения. Даша, Ника и Женя со Снежком замыкали этот безмолвный конвой где-то позади, перебрасываясь короткими фразами только друг с другом. Никита Сергеевич всё время вышагивал плечом к плечу со своим деловым партнёром Татьяной, обсуждая что-то вполголоса; их дыхание было единственным ровным ритмом в этой процессии. Георгий неотступно маячил рядом со Стеллой, пытаясь то придержать её за локоть на крутом склоне, то протянуть бутылку с водой, но она каждый раз отстранялась так резко, словно боялась обжечься. Похоже, он был к ней неравнодушен, вот только Стелла этого совершенно не замечала или делала вид. Она брела сама по себе — девушка-загадка с потухшим взглядом, поджатыми губами и вечной тенью усталости под глазами. Василиса же держалась особняком, шагая чуть сбоку от своего подопечного Мирая, который механически переставлял ноги, глядя строго перед собой.

Всем было так привычнее. Безопаснее. Закрыться в своей скорлупе и просто идти, пока держат колени. Но когда запасы консервированных бобов и галет стали подходить к пугающему концу, а усталость свинцовой пылью осела в каждой мышце, идиллию выживания нарушила Василиса. На очередном коротком выдохе, остановившись и уперев руки в колени, она вдруг вскинула голову: «Всё. Хватит. Мы либо свалимся здесь все по очереди, либо сделаем нормальный перевал».

Она кивнула на лес, тёмной зубчатой стеной видневшийся всего в паре километров. Пейзаж у него был своеобразным, если не сказать жутким. Деревья стояли абсолютно голые, лишённые даже намёка на листву — чёрные, скрюченные стволы тянули к низкому серому небу острые ветви, похожие на костлявые пальцы. Лес казался безмолвным: ни единого птичьего крика, ни шелеста веток, хотя ветер явно гулял там, внутри. Он больше походил на декорацию из дешёвого фильма ужасов, чем на часть живого мира.

— Я знаю, как это выглядит, — хрипло продолжила Василиса, переводя взгляд с мёртвого леса на бледные лица попутчиков. — Но мы вторые сутки спим сидя, прислонившись к рюкзакам. Если кто-то оступится ночью, никто не успеет среагировать. Видите ту небольшую прогалину? Там чисто. Разведём небольшой костёр. В конце концов, кое-что полезное из бункера нам удалось вынести в тот злосчастный день, когда мы в спешке его покидали. У меня есть сухой спирт и огниво. Давайте наконец поговорим. Быть может... узнаем друг друга получше. Нам ещё идти и идти, а я хочу пойти туда живой. Для этого мы должны стать хотя бы на время одной командой.

Никто не возразил. Воздух вокруг словно стал немного теплее от одного только предложения о живом огне. Они добрались до прогалины, сбросили опостылевшие рюкзаки прямо на серый мох и молча наблюдали, как пляшут рыжие языки пламени, жадно пожирая таблетки сухого спирта. Тьма отступила ровно настолько, чтобы можно было видеть глаза напротив.

Естественно, первым инициатором выступила всё та же Василиса. Она плотнее запахнула куртку, протянув ладони к самому жару, и тихо начала: «Нас было девять. Я четвёртый ребёнок в семье. Помимо меня — трое старших братьев, старшая сестра, младший брат, родители, бабушка с дедушкой. Все жили вместе в том самом доме, который своими руками строили мои предки. Отцу с матерью приходилось вкалывать сутками, чтобы прокормить эту ораву, а старики помогали воспитывать нас. Я привыкла трудиться с раннего возраста. Поняла лет в семь: если хочешь чего-то добиться — нужно пахать. Не ныть, не жаловаться, никогда не отступать.

Так я и превратилась в танк. А потом... волей случая встретила Мирая. Это случилось в одном задрипанном ночном клубе. Он выступал там с какой-то странной группой. У гитариста дядя оказался владельцем заведения, поэтому им дали сцену. Группа играла отвратительно, фальшивила через такт, но голос Мирая... Господи, этот чарующий, гипнотический баритон пробирал до мурашек даже сквозь их убогую музыку».

Мирай смущённо кашлянул в кулак, но промолчал.

— В тот вечер я решила, что сделаю его звездой во что бы то ни стало, — продолжала Василиса, и в её глазах впервые за долгое время блеснуло что-то похожее на прежний азарт. — Я подошла к нему после концерта, в клубе, вонявшем дешёвым пивом, и предложила стать его менеджером. Обещала, что через пару лет он будет собирать стадионы. Он вначале смотрел на меня как на сумасшедшую, конечно. Скептически кривил губы. Но отказывать сразу не стал — увидел такую решимость и упёртость в моих глазах. Так началась моя каторга. Я стала работать на четырёх работах. Утром выгуливала чужих собак в элитном районе, днём обивала пороги радиостанций и продюсеров, выслушивая «мы вам перезвоним», а ночью работала в охране магазина игрушек. Могла позволить себе вздремнуть час-другой на коробках. Ночью там было тихо, да и вряд ли кто-то стал бы грабить плюшевых медведей. Накопив денег, я отвела его на профессиональную студию... Вскоре труды окупились. Первый контракт, первый концерт... Я сдержала слово. Он стал вращаться в шоу-бизнесе, собирая залы. Кроме братьев, сестёр, родителей и бабушки с дедушкой, у меня никого не было. На личную жизнь времени не осталось совсем. А сейчас моей семьи больше нет. И я даже не смогла их толком оплакать, потому что бежала, спасая свою шкуру.

Голос дрогнул, но она взяла себя в руки. Мирай неловко положил свою ладонь поверх её сцепленных рук. — Я был единственным ребёнком, — глухо продолжил он, глядя в огонь. — Мои родители... они были хорошими людьми, наверное. Но для них музыка была блажью. «Сначала диплом юриста, Миша, потом хоть в переходе пой». Из-за этого мы ругались так, что дрожали стены. Как только стал совершеннолетним — ушёл. Познакомился в колледже с парнем, которого звали Юра. Снимали однушку на окраине, питались дошираком. Потом узнал, что у Юрки есть друзья, мечтающие собрать рок-группу. Стал солистом. Платили гроши, которых хватало разве что на аренду и самую дешёвую лапшу, но мы были счастливы. А потом появилась Вася, и понеслось... Что касается личной жизни... Поклонниц всегда было море. Внимание девушек мне нравилось. Правда, по настоятельному совету Васи и нашего продюсера Фёдора Ивановича я три года якобы встречался с одной знаменитой актрисой. Чистый пиар, рекламный ход, не более того. Иногда мне кажется, что настоящей была только эта поддельная любовь, а всё остальное — просто шум.

Слово взял Никита Сергеевич. Обычно властный и громкий, сейчас он говорил почти шёпотом, сгорбившись над пламенем: — Единственный сын. Золотая клетка. Родители никогда ни в чём не отказывали: отец — крупный бизнесмен, мать — актриса провинциального театра, мечтавшая о славе через сына. Я пошёл по стопам отца и весьма преуспел. Руководитель организации, драгоценности, контракты по всему миру. Моё имя не раз фигурировало в списках Forbes. Был женат. Ровно пять лет. Меня постоянно не было дома — сделки, перелёты, переговоры. Жена устала ждать призрака мужа и подала на развод. Бумаги лежали на столе в моём кабинете неделю... Мы так и не успели их подписать. Планета сошла с ума, теперь её уже нет. Остался только бизнес-партнёр.

Татьяна, сидевшая по другую сторону от Никиты, медленно кивнула: — Вторая в семье. Есть младшая сестра. Сбежала за границу, когда ей едва исполнилось восемнадцать, поссорившись с родителями. Больше я о ней ничего не слышала. Моя жизнь была расписана по минутам логистическими цепочками поставок. Должна была выйти замуж за известного футболиста — идеальный союз двух медийных карьер. Свадьба была назначена на июнь. Судьба распорядилась иначе, отправив нас всех сюда.

Стелла долго молчала, нервно теребя край своей толстовки. Костёр отражался в её расширенных зрачках. — Очень бедная семья, — наконец выдавила она. — Третий ребёнок. Нам иногда буквально нечего было есть. Поэтому... когда я расцвела и превратилась в довольно эффектную девчонку, этим грех было не воспользоваться. Модель. Вначале было очень тяжело — голодные обмороки на кастингах, пристающие фотографии. Но я не сдавалась. Один крупный журнал пригласил на съёмку, потом несколько рекламных проектов... Я стала востребованной. Начала помогать семье. Вот только мама слишком много вкалывала на химзаводе, лёгкие не выдержали... Её рано не стало. Отец на этой почве окончательно спился. Мне пришлось забрать брата и сестру к себе, оплачивать их учёбу. На личную жизнь просто не было времени — контракт за контрактом, чеки родителям, ипотека... — Слёзы покатились по её грязным щекам, оставляя светлые дорожки. — Теперь их тоже больше нет. Ни брата, ни сестры. Никого.

Георгий, не говоря ни слова, снял с шеи толстый вязаный шарф защитного цвета и осторожно набросил ей на плечи. Стелла вздрогнула, но ткань приняла, пряча в неё лицо.

В этот миг, глядя на плачущую девушку, все как будто вспомнили разом тех, кого любили, кем дорожили, но потеряли. В душе каждого образовалась гулкая пустота, холодный вакуум.

— Но они бы хотели, чтобы мы жили, — неожиданно твёрдо сказала Ника, прерывая тяжёлое молчание. — Помнить — не значит заживо похоронить себя рядом с ними. Мы должны выжить ради них.

И плотина прорвалась. Дальше говорили быстро, перебивая друг друга, выплёскивая боль, которая месяцами копилась внутри. Ника рассказала о потере родителей, любимой сестры и о том, что была заместителем главного бухгалтера в крупной фирме, считая карьеру важнее любви. Женя, всхлипывая, призналась, что была баристой в маленькой кофейне, обожала латте-арт и потеряла любимого мужа и маму в первые дни хаоса. Даша плакала навзрыд, рассказывая про героическую смерть сестры, которая закрыла её своим телом от огромной крысы-мутанта. Георгий признался, что расстался со своей девушкой Анной практически перед самым концом света — устал от её неконтролируемой ревности, переходящей в паранойю, — и теперь корил себя за эти последние глупые ссоры. Руслан рассказал, как они с братом, таким же фанатом кода, разрабатывали игры. Им обоим не улыбнулась удача одинаково: проект выстрелил только у Руслана, деньги разделили несправедливо, братья смертельно поругались и не общались несколько лет. Должны были встретиться у родителей спустя десятилетие, он приехал в родной город с подарком, а тут всё рухнуло. Он едва успел укрыться в этом бункере. Свою семью — жену, которую встретил полгода назад, и нерождённого ребёнка — он спасти не смог. Их машина застряла в пробке на выезде из города...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.